

Ни дня без строчки

Он начал писать книги, когда ушел в отставку и было ему уже за шестьдесят. "Почему так поздно?", - часто спрашивают его. "Раньше некогда было, - говорит Владимир Максимович Неунывахин, - работал, служил, кочевал по всей стране, повсюду таскал за собой два чемодана, набитых блокнотами с черновиками. Кто-то пишет "в стол", а я в чемоданы. Такова уж судьба военного: еще чернила на приказе не высохнут, а я со всем скарбом уже в дороге. Когда уж тут писать? А вот когда снял китель, осев в Новокузнецке, тогда и занялся работой, о которой всю жизнь мечтал".

Лучше всего о жизни писателя расскажут его книги. Перелистаем биографический рассказ "Мой любимый отчим".

"Шел первый послевоенный год. Хоть и был он мирный, но такой же голодный, как предыдущие четыре, особенно для нас с матерью. Жили мы тогда в Абагуре, снимали угол в домишке у одной сердобольной женщины. Часто засыпая под мышиный шорох в дощатых стенах, я слышал, как мама плачет. Печалилась она не потому, что ютились мы с ней по чужим углам, бедствовали, тогда многим было несладко, а потому, что страшно тосковала она по моему младшему братишке Генке, которого отец после развода с ней, чтобы не платить алиментов, оставил себе. Был он человеком крутым, властным, работал председателем колхоза и, пользуясь своим положением, по всякому поводу притеснял маму, которая мешала ему жить с молодой учительницей, а потом и вовсе выгнал с ребятишками из родного села. Никому мы тогда не были нужны. Начало 42-го года, студеная зима, разруха, самое тяжелое время войны. Мне тогда было четыре года, Генке - два, девятимесячная Галинка, не выдержав скитаний и холода, умерла по дороге. Сильно горевала мама по детям и таяла как свечка.

Как-то однажды забрел на наш двор в поисках хоть какой-нибудь работы за десяток картофелин изможденный, с робкой улыбкой человек. Это был один из "сибулонцев", так местные почему-то называли живших за поселком в длинном бараке репатриированных. Что означает это непонятное слово, я, конечно, не знал, но старшие пацаны рассказали потом, что этот дядька бывший летчик, ленинградец, сосланный в Сибирь, потому что немец. Каково ему было, можно себе только представить. Мама его тогда пожалела, чаем напоила. Стал он к нам изредка приходить, помогал по хозяйству. Через год дядя Володя переехал к нам, я к нему очень привязался, с радостью начал называть "папкой" и до сих пор считаю своим настоящим отцом.

Несколько поколений предков Владимира Кеплера были коренными питерцами. В 30-е годы он вместе с Коккинаки, будущим знаменитым летчиком, дважды Героем Советского Союза, окончил летное училище. Как отличника, его оставили там в должности инструктора, и до 41-го года он ставил на крыло "птенцов-курсантов". Практически на второй день войны Владимира Эмильевича без объяснения причин отстранили от полетов и вскоре вчистую уволили из Военно-воздушных сил. На работу никуда не брали, жена и двое детей остались без средств к существованию, к тому же вокруг Ленинграда все туже стягивалась блокадная петля. Ему посчастливилось пристроить семью на один из последних эшелонов, самому выбраться не удалось, пришлось остаться в умирающем городе.

На 132 день блокады он съел последний кусочек "студня" из брючного

ремня, рецепт приготовления которого подсказал сосед, перебравшийся к нему из квартиры сверху. Они вместе долго вымачивали кожу в воде, а потом, прокрутив на мясорубке как фарш, варили до желеобразного состояния. Этот студень ели крохотными порциями. На 145 день сосед умер, у Владимира Эмильевича не было сил вылезти из-под вороха одежды и подойти к нему. Его самого через какое-то время обнаружила санбригада, обходившая уцелевшие дома и собиравшая трупы. Если бы он из последних сил не шевельнулся, так и увезли бы в общую могилу на Пискаревское кладбище.

Перед отправкой на Большую землю санитары сунули за пазуху Кеплеру его документы, "благодаря" которым, как только дистрофия позволила самостоятельно вставать на ноги, его отправили в ссылку без права переписки и выезда за пределы поселения. Так в конце войны он - немец по национальности, русский по паспорту и оказался в нашем поселке Абагур. Отец все время искал свою семью, но ответы на запросы приходили неутешительные - "...указанные лица в числе эвакуированных не значатся".

С появлением дяди Володи в нашей жизни многое изменилось. Мать перестала плакать, посветлела лицом. Мы впервые, нарядив елку, отметили Новый год. По вечерам стали часто собираться у самодельной лампы, разговаривать, а главное - читать книги. Отец был прекрасным чтецом, и мы с мамой были готовы до петухов слушать "Капитанскую дочку", "Вечера на хуторе близ Диканьки", "Хождение по мукам", "Собор Парижской Богоматери", "Овод". Позднее, учась в пединституте, я многие произведения даже не перечитывал, помнил их с детства. С каким нетерпением я ждал каждого вечера. Любовь к литературе привил мне именно отец, тонкий интеллигентный человек, досыта нахлебавшийся жизненных невзгод, но оставшийся с чистой не озлобленной душой. Его реабилитировали уже после смерти".

Первый рассказ Владимира Неунывахины, который был опубликован, назывался "Подарок". Увидел свет он в заводской многотиражке "Металлург". Автору в ту пору было 16 лет. Он работал фрезеровщиком, много писал. "Марал бумагу, - как вспоминает сейчас, смеясь, Владимир Максимович, - и вел обширную переписку, пытаюсь узнать у профессионалов оценку своего творчества. Откликнувшись на его просьбу, ему отвечали Бианки, Паустовский, хвалили его "пробы пера", советовали больше наблюдать и учиться. И он всю жизнь наблюдал, где бы ни был, с кем бы ни встречался, делал короткие заметки, которые стали потом рассказами и повестями. А потом вышла первая книга "Забуть я не в силах", которую он посвятил своей маме, Аграфене Федоровне. Во второй сборник вошли рассказы из блокнота бывшего работника ИТУ, где он занимался перевоспитанием людей, преступивших закон.

Но особенно трогательны и проникновенны его натуралистические зарисовки из третьего сборника - "Под глухариную песню", где он не только мастерски описывает богатую и разнообразную природу

Кузбасса, но и место человека в ней. Его героям чуждо варварское отношение к лесу, они не поднимут ружье на птицу, высиживающую птенцов, не будут охотиться ради забавы на вылинявшую белку или молодого зайчишку. Проникаешься уважением к простому шишкарю из зарисовки "Бурундучок", добывающему в поте лица кедровые орехи в глухой тайге. Он никогда не станет выгребать из кладовой бурундука отборный орех, заготовленный на зиму, помня услышанную в детстве легенду о том, что оставшийся без припасов зверек отыскивает на дереве тонкую рогатину и вешается на ней своей шейкой, сводя счеты с жизнью.

Герои книг Владимира Неунывахина - люди, с которыми он жил, работал на заводе, встречался на охоте, в поездках по стране. Это не придуманные персонажи и характеры, они живые и узнаваемые. Так и видишь слесаря Пашку из рассказа "Пашкины странности", который обладал феноменальной способностью мгновенно засыпать, даже с куском хлеба и бутылкой кефира в руках во время обеденного перерыва. Над ним все время подтрунивали, смеялись. Однажды, обрабатывая деталь, Пашка приставил к ней зубило, замахнулся молотком и... уснул. Мастер, обходя цех, смотрит - трудится парень. Возвращается через полчаса, а он все в той же позе. Заглянул в лицо, а глаза закрыты. "Ты почему спишь?" - заорал. А Пашка: "Кто? Я? С чего вы взяли?" - "А почему глаза закрыты? Тудыт твою, растудыт!" Тут Пашка спросонья и выпалил: "Это я на вас, козлов, смотреть не хочу!" Эта "крылатая" фраза надолго прижилась в цехе.

Замечателен и бесхитроsten деревенский мужик Василий из рассказа "Баламут" в книге "Я вернулся, мама". Работяга, умелец: хоть трактор починит, хоть выброшенный на помойку телевизор. Любит читать детективы и смотреть боевики, но как только "махнет" лишку, так все у него в голове перемешивается. Особенно страдала от его буйных фантазий жена. Бывало, вскочит хмельной Василий посреди ночи, растолкает жену и командует: "Лидк, вставай. Эсэсовцы деревню окружают. Доставай из-под кровати наш шмайсер!" Надоело ей это, и стала она делать вид, что достает оружие и готова принять бой. Он тогда успокаивался и ложился досыпать.

Неблагодарное это дело пересказывать чужие книги, лучше их прочитать. Наверняка, любителям детективного жанра понравится последний сборник "За что?!", герои которого колоритны и страшны в предсказуемости своих судеб. Около десяти лет подполковник Неунывахин работал в исправительно-трудовых учреждениях и знает эту жизнь не понаслышке. Творчество Владимира Максимовича не осталось незамеченным. Юрий Чайка, еще будучи министром юстиции, отметил писателя дипломом лауреата премии Минюста России в области литературы и искусства, с благодарностью принял в подарок все книги, написанные автором.

Чем сейчас занимается пенсионер, член Союза писателей России Неунывахин? Пишет. Его девиз: ни дня без строчки. Претворяя его в

жизнь, Владимир Максимович неизменно повторяет: "Я должен успеть переработать весь свой архив, а он у меня весьма солидный - два чемодана".